

Закон как текст

© З. К. ТАРЛАНОВ,

доктор филологических наук

Статья посвящена языковому анализу законов как текстов, строящихся по нормам литературного языка. На основе материала статей действующего Уголовного кодекса РФ выявляются взаимоотношения между обычными словами русского языка разной стилистической принадлежности и юридическими терминами. С позиций литературного языка комментируются случаи сомнительного терминотворчества и стилистических несоответствий.

Ключевые слова: литературный язык, официально-деловой стиль, закон, текст, термины, словообразование, стилистика, норма, культура речи, культура оформления законов.

DOI: 10.31857/**РЫБА**!!6190000355-6

The paper treats the point of linguistic analysis applied to acts of law as a kind of text composed according to literary Russian standards. The interactions between common words of different stylistic nature on the one hand and legal terms on the other are revealed basing on the material of modern Russian Federation Penal Code articles. It is from the literary standards' viewpoint that some cases of dubious term formation and stylistic inconsistency are commented.

Keywords: literary language, legal style, law, text, terms, word-building, stylistics, standard, speech standard, law formulation culture.

Среди огромного количества практически существующих типов текстов центральное место в поле зрения лингвистики по понятным причинам занимали тексты художественные. При этом интересом и к художественным текстам отмечены далеко не каждое лингвистическое направление и не каждая национальная лингвистическая традиция.

Устойчивое привлечение художественных текстов в качестве объекта языковедческого анализа находилось в прямо пропорциональной зависимости от того, насколько глубоко и с каким постоянством в соответствующей научной традиции обсуждались и решались проблемы теории и истории литературного языка.

В этом отношении чрезвычайно показателен опыт отечественного языкознания, в котором с самого начала Нового времени — с начала XVIII века активно складывавшаяся теория и история русского литературного языка стояла в центре внимания как языковедов, филологов, так и широких интеллигентских кругов российского общества, серьезно

интересовавшихся отечественной культурой. А решение же проблем теории и истории русского литературного языка в силу его особой судьбы, изначально совмещавшей в себе две составляющие — восточнославянскую и южнославянскую речевые стихии, требовало систематического обращения к текстам, к сопоставительному их изучению с точки зрения, в частности, и указанных речевых стихий.

Поэтому, как известно, именно в России, в Советском Союзе сложились в качестве отдельных самостоятельных отраслей филологического знания такие новые науки XX столетия, неизвестные европейской исследовательской традиции, как теория и история литературных языков и теория художественной речи.

У истоков этих наук, которые создавались в течение длительного времени, стояли выдающиеся русские ученые XVIII — XX столетий — М.В. Ломоносов (1757) [1], Н.М. Карамзин (1795) [2], И.И. Срезневский (1849) [3], А.И. Соболевский (1889) [4], А.А. Шахматов [5 : 60–94], В.В. Виноградов (1934) [6, 7], Л.В. Щерба (1923) [8], (1939) [9], Л.П. Якубинский (1953) [10], С.П. Обнорский (1946) [11] и др. (В круглых скобках указаны годы первой публикации соответствующих работ ученых). Более того, плодотворное лингво-стилистическое исследование текстов русской классической и древнерусской литературы стало одним из важнейших направлений советского языкознания на протяжении всей его истории.

Что же касается юридических текстов, то они изучались главным образом в историко-терминологическом аспекте применительно к донациональному периоду в истории русской культуры.

Задача настоящей статьи — проанализировать некоторые аспекты лексики и стилистики закона как текста. В качестве материала для непосредственных наблюдений выбраны тексты статей действующего «Уголовного кодекса Российской Федерации по состоянию на 25 марта 2016 г.» [12]. Привлекаемый материал как совокупность законченных текстов, насколько нам известно, отдельно не рассматривался, хотя официально-деловому стилю, к которому относятся эти тексты, посвящено большое количество специальной литературы.

Юридический подстиль занимает свое особое место в структуре официально-делового стиля. Однако, какими должны быть критерии оценки его языковых средств, как и подстиля в целом, не совсем ясно. Имея в виду область использования юридической разновидности официально-делового стиля, обычно по умолчанию придерживаются одного из следующих двух основных подходов:

1) считается, что юридический подстиль — это одна из разновидностей официально-делового стиля, представляющего собой существенную часть литературного языка определенного времени. Поэтому считается также, что оценки достоинств и недостатков его стилистических средств должны строиться и формулироваться в соответствии с общими требованиями,

предъявляемыми к литературному языку как особому типу национальной культуры. Соответственно, чтобы правильно пользоваться им, необходимо хорошо и свободно владеть литературным языком в целом и быть начитанным в национальной художественной литературе, питающей литературный язык. Именно так понимал речевую культуру юриста, культуру публичной речи, в том числе и ораторской, крупнейший представитель юриспруденции России А.Ф. Кони [13], [14]. Его суждения на этот счет безусловно авторитетны и потому, что он, как и П. Пороховщиков [15], один из тех деятелей русской культуры, которые вместе с профессионалами-лингвистами стояли у истоков теории речевой культуры в России. Более того, трудно сказать, кому — лингвистам или юристам — принадлежит первенство в этой области. Первая обширная работа по речевой культуре под названием «Искусство речи на суде» была опубликована в России П. Пороховщиковым (П. Сергеевичем) в 1910 году [15]. Первая же объемная лингвистическая работа по правильности и чистоте русской речи, принадлежащая В.В. Чернышеву, вышла из печати годом позже — в 1911 году [16].

2) Пафос же второго подхода к юридическому подстилю официально-делового языка сводится к его абсолютизации в качестве не только отдельного, но и обособленного способа выражения, не уместяющегося в рамки общего литературного языка с его регламентированными нормами. Подобная свобода в толковании стиля, однако, не согласуется с требованиями литературного языка и не может гарантировать от возможного произвола как в использовании имеющихся языковых средств, так и при создании новых. Именно этот второй подход оказывается господствующим и в современной профессиональной среде, и в процессе законотворчества. Это проявляется, в частности, и в том, что в текстах законов довольно часто обычные слова наделяются окказионально трактуемым статусом терминов, хотя терминами не являются по существу. Таким образом корпоративно приписываемый им статус не находит подтверждения ни в толковых словарях литературного языка, ни в соответствующих профессионально-терминологических словарях.

Например: «В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные настоящим Кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления» [12 С. 8 — часть 1 статьи 15].

Как очевидно из контекста статьи, слово *деяние* использовано в значении слова преступление, которое осмыслено в качестве *термина с родовым значением* по отношению к видовым понятиям *преступление небольшой тяжести, преступление средней тяжести, тяжкое преступление и особо тяжкое преступление*. Ср. также: «1. Виновным в преступлении признается лицо, совершившее *деяние* умышленно или по неосторожности» [12. С. 10 — часть первая статьи 24. Курсив здесь и далее наш. — 3. Т.]. То же слово и в том же значении многократно используется и в других статьях Кодекса, но опять-таки без объяснения или комментирования смысла. Смысл как бы подразумевается — '*преступление*'.

Между тем, отдельно взятое слово *деяние* в русской культурной традиции не обладало и не обладает таким значением. Оно не зафиксировано ни в толковых словарях русского литературного языка (Словарь под ред. Ушакова, Словарь Ожегова, Малый — 4-хтомный — академический словарь, Большой — 17-ти томный — академический словарь), ни в «Толковом словаре русского языка конца XX в.» [17], ни в «Большой юридической энциклопедии, самом полном современном издании» [18].

Слово *деяние*, будучи книжным по своему происхождению, традиционно употреблялось в высоком книжном стиле, ср.: «Деяния апостольския=свящ. книга нов. завета, повествующая о сошествии Св. Духа на апостолов и распространении чрез них веры Христовой» [19].

Ближайший синоним к слову *деяние* — это слово *свершение*, ср.: *Деяние — свершение, великие деяния — великие свершения*. В его семантике, таким образом, отсутствовали какие бы то ни было содержательные составляющие со знаком минус, с отрицательной коннотацией.

Подобных составляющих нет даже в последующем расширенном ряду его синонимов, ср.: *Деяние, свершение, подвиг, действие, поступок, шаг, предпринятие, акция, акт*.

Среди синонимов к слову *преступление*, приведенных в большом двухтомном «Словаре синонимов русского языка», слово *деяние* отсутствует, оно дается лишь как часть сложного слова, определяемая основой качественного прилагательного с негативной коннотацией, чуждой для основы самого существительного, см.: «*преступление, правонарушение, злодеяние, криминал*» [20].

Среди перечисленных к слову *деяние* синонимов в обоих рядах нет ни одного слова со значением *преступление*.

Для выражения значения *преступление* по нормам словоупотребления в литературном языке используется описательный атрибутивный оборот *преступное деяние*, который в качестве терминологического сочетания приводится как в «Словарях русского языка» Ушакова и Ожегова, так и в «Большой юридической энциклопедии» [18].

Таким образом, слово *деяние*, заимствованное юридическим подстилем из традиционно высокого книжного стиля и употребленное в значении слова-термина *преступление*, представляет собой окказиональный корпоративный факт, лишенный поддержки как в литературном языке в его истории, так и в профессиональной юридической терминологии. Это один из очевидных образцов вольного толкования семантики слова и тем самым нарушения литературной нормы.

Еще один лексический пример:

«1. Заведомое *поставление* другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на

срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года» [12. С. 55 — часть первая статьи 122].

Абзац в ред. Федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ; от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ).

Знаки препинания (синтаксис) в тексте пока оставим в стороне.

В тексте сразу обращает на себя внимание своей необычностью отглагольное слово с отвлеченным значением *поставление*. Оно образовано, по-видимому, по типу существительного оставление от форм совершенного и несовершенного видов глагола *оставить*, *оставлять*.

Но принцип аналогии со словом *оставление*, как бы напрашивающийся для слова-новообразования *поставление*, здесь «не работает».

В отличие от видовых форм глагола *оставить*, *оставлять*, которым соответствует одно производное существительное *оставление*, глаголы *поставить*, *поставлять* не являются видовыми формами одного и того же глагола в том значении, в котором они использованы в тексте закона.

Это разные глаголы. В современном русском литературном языке *поставлять* значит ‘доставляя, снабжать каким-либо товаром’ [21 : 322].

Более широкой семантикой тот же глагол характеризовался, например, в 30-х годах XIX в. [22 : 200]. Однако в национальном литературном языке эта семантическая широта была утрачена. Поэтому слово *поставление* в тексте закона — «поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией» — это ярчайший пример просторечного словообразования, неуместного в официально-деловом стиле.

В оправдание подобного рода слов могут сослаться на потребности официально-делового стиля, который, как известно, предпочитает субстантивно-воцентричный синтаксис синтаксису глаголоцентричному. Следовательно, как бы напрашивается вывод, что они должны быть признаны правомерными. Однако правомерными они могут быть в той мере, в какой не нарушают нормы литературного языка как важнейшей формы национальной культуры.

Если какое-либо субстантивное слово нельзя образовать от соответствующего глагола, то необходимо обращаться к синонимическим возможностям литературного языка. Например, в нашем случае неверно произведенное слово *поставление* вполне могло бы быть заменено литературно принятым и адекватным по смыслу и стилю словом *вовлечение*. В этом случае текст статьи закона выглядел бы следующим образом: «Заведомое *вовлечение* другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года».

Смысл тот же. Никакие нормы литературного языка не нарушены. Нет парадоксальной ситуации, когда законы, написанные ради поддержания

правопорядка, сами по языковой форме оказываются нарушителями норм языковой и речевой культуры, охраняемых обществом и предписанных компетентными научными и государственными учреждениями.

Таким образом, рассмотренные случаи демонстрируют стилистическую уязвимость текстов законов прежде всего по трем параметрам: 1) по тому, что в них неоправданно используются слова-окказионализмы с субъективно наделенными значениями вместо слов общего языка, и это принципиально не согласуется с природой закона, предназначенного для всего общества, которое придерживается и должно придерживаться в этой сфере закономерно сложившихся норм литературного языка как стандартного; 2) по тому, что в них слова высокого стиля смешиваются со словами низкого стиля — просторечными, тем самым отбрасывая высокоразвитый литературный язык к начальному периоду его формирования и стилистического упорядочения, к доломоносовским временам; 3) по использованию семантически ложных словообразовательных моделей субстантивов.

Законы как тексты в культурно развитом обществе и государстве не могут не соответствовать нормам национального литературного языка, ибо национальный литературный язык — это важнейшая из форм национальной культуры, создававшейся веками и воплотившей в себе созидательный опыт многих поколений.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Михайло Ломоносов. Избранная проза / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А.Дмитриева. М., 1980.
2. *Карамзин Н.М.* О богатстве языка // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982.
3. *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка. М., 1959.
4. *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л., 1980.
5. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка (курс, читанный в Санкт-Петербургском университете в 1911/1912 учебном году). Изд. 4-е. М., 1941. С. 90–94.
6. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 2-е. М., 1938.
7. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
8. *Щерба Л.В.* Попыты лингвистического толкования стихотворений. «Воспоминание» Пушкина // Сб. «Русская речь». Пгр., 1923. Переиздание: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 26–44.
9. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. 1939. № 4. Переиздание: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 113–129.

10. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
11. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1946.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации по состоянию на 25 марта 2016 г. М., 2016.
13. Кони А.Ф. Искусство речи на суде // Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1956. С. 93—106.
14. Кони А.Ф. Советы лекторам // Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1956. С.10—115.
15. Пороховицков П. (П. Сергеич). Искусство речи на суде. СПб., 1910.
16. Чернышев В.В. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. СПб., 1911 // Чернышев В.В. Избранные труды. В 2 т. М., 1970. Т. 1.
17. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Гл. ред. Г.Н.Скляревская. СПб., 1998.
18. Большая юридическая энциклопедия. Самое полное современное издание. М., 2007. С. 162.
19. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 164.
20. Словарь синонимов русского языка / Гл. ред. А.П.Евгеньева. В 2 т. Л., 1971. Т.2 С. 242—243.
21. Словарь русского языка. В 4 т. М., 1983. Т. 3. С. 322.
22. Тарланов З.К. Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля. Петрозаводск, 2017. С. 200.

*Северный филиал Российской правовой академии Минюста РФ
Петрозаводск*